

С. А. Белыева, Е. Е. Филко

(К и е в)

ДВА ХАМАМА АККЕРМАНА (опыт корреляции археологических и письменных источников)

С учетом письменных, картографических и археологических источников предпринята попытка атрибутирования двух хамамов Аккермана периода османского владычества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Аккерманская крепость, хамам, султан Баезид, султан Селим османское владычество.

Археологические исследования османских историко-архитектурных памятников представляют одно из актуальных направлений современного востоковедения. Речь идет, прежде всего, о выделении и изучении структуры форпостов, объединивших в себе различные функциональные атрибуты османского присутствия и мусульманского образа жизни: от крепостных сооружений до мечетей и бань. Омовение перед молитвой и намаз были нормами жизни независимо от социального положения мусульманина. Основные конструктивные элементы построек могли отличаться по пропорциям, размерам, элементам декора, но при этом всегда соответствовали требованиям, необходимым для выполнения их социальных функций. Последнее обстоятельство предполагало, что даже в условиях постоянной опасности и враждебной среды, в которых пребывало османское пограничье в Украине, архитектора располагая мечетей и бань обеспечивала условия религиозных отпращиваний.

Исследование архитектурно-археологических памятников как взаимосвязанного комплекса конкретно-исторических форм, отражающих возможный потенциал амбиций и реальных возможностей метрополии в отдаленных провинциях Османской империи на разных этапах ее развития, позволяет выйти на качественно новый уровень изучения мно-

гих проблем истории евразийского ареала. Для решения подобных задач чрезвычайно важным является методологический подход к исследованию памятника как целостной системы составляющих его элементов. Именно такая позиция положена в основу многолетних работ Международной Южной Средневековой экспедиции Института археологии НАН Украины в г. Белгороде-Днестровском Одесской области, объектом которых, начиная с 1999 г. была Аккерманская крепость. Ее структура, сложившаяся еще в период Молдавского княжества, получила дальнейшее развитие многофункционального назначения: форпоста, социального, торгово-экономического и религиозно-обрядового центра. Для разработки историко-хронологической периодизации комплекса фортификационных сооружений и внутренних построек крепости, вычленения структур османского периода были необходимы точные реперы, корреляция результатов натурного обследования, археологических исследований и информации письменных и картографических источников. Основной интерес и особое внимание были сосредоточены на изучении территории Нижнего (или Портового) двора крепости, защищенного со стороны лимана системой укреплений, включавших каменные стены и барбакан с дозорной башней, продублированные по берегу лимана деревянным частоколом. По результатам архитектурно-археологических обследований и данных письменных источников с приходом османов прежде низкие стены вдоль побережья были несколько раз достроены (поднята их высота, о чем свидетельствуют пояса зубчатых завершений стен), модернизирована и конструкция барбакана (Finkel, Bilyayeva, Ostapchuk 2008, p. 8). Так османы пытались защитить

внутренние постройки двора и ближайшие к лиману части крепости от нападений казаков. Среди прочих архитектурных остатков двора были открыты и исследованы развалины османской бани (хамама), являвшейся не только важным объектом прямого санитарно-гигиенического характера, но и источником для омовения перед молитвой, что нашло свое отражение в письменных документах разного характера.

К числу значимых письменных источников османского периода, заслуживающих особого внимания, относятся воспоминания турецкого дипломата и известного путешественника 17 в. *Эвлия Челеби*, посетившего Аккерман в 1657 г. В них содержится краткий очерк истории города с момента захвата его Баезидом II и описание состояния крепости. В тексте автор говорит о двух банях. Первая из них упоминается в одном ряду с «приятного вида» мечетью с одним минаретом султана Баезида и цитаделью. Не вдаваясь в подробное описание этого сооружения, он лишь констатировал: *«На краю нижней крепости стоит банька»*. О второй бане написано следующее: *«Близ реки Днестр имеется одна старинного вида грязная и бедная баня [постройки времен] султана Баезида Вели...»* (Челеби 1961, с. 35—37).

В Архиве Дворца Топкапи и Высшего Министерского Османского Архива (Prime Ministerial Ottoman Archive) в Стамбуле хранится внушительная подборка документов, фиксирующих строительные работы в крепости османского времени. В них содержится описание различных объектов, начиная с 16 в. Материалы этих документов являются чрезвычайно важной составляющей историко-археологических исследований, открывающих новые возможности в изучении османского строительного периода крепости, реконструкции ее облика конца 16 в., и фиксации изменений, произошедших на протяжении 16—18 вв.

Несколько документов сообщают сведения, касающиеся бань. Фактически они подтверждают слова Челеби о существовании двух вышеупомянутых хамамов (Ostapchuk, Bilyayeva 2009, р. 148—149). Согласно перечню вакфа от 1565—70 гг. в Аккермане было, по крайней мере, две бани. Старый хамам в Нижнем дворе крепости (*hamam-э atik der hisar bece-i kale-i Akkerman*) и Новый хамам в предместье Аккермана (*hamam-э cedid der varosë-i Akkerman*) (ВОА, ТТ 542, р. 40). Обе бани были занесены в вакф султана Селима I (годы правления — 1512—1520 гг.).

Интересен для нас и султанский эдикт, датированный июнем 1576 г. (ВОА, MD 28, no. 273). Его появлению способствовало то обстоятельство, что крепость постоянно тревожили казаки. В связи с угрозой нападения, турки были вынуждены усилить оборону и закрывать на ночь все ворота крепости. Были закрыты и ворота в Нижний двор (*hisar bece*), где находилась единственная

в крепости баня. Такая ситуация сделала невозможным обязательное омовение верующих перед ранней молитвой. В ответ на прошение мусульман этим эдиктом вменялось открывать ворота для осуществления обряда, в случае отсутствия угрозы безопасности крепости.

Еще один документ Стамбульского архива (ВОА, D.BSM.BNE 16004), датированный 1777—1778 гг., связан с реконструкцией бани, расположенной на берегу Днестра, слева от крепости. Вместо большой бани, не приносившей доход вакфу, планировалась постройка меньшей, о чем свидетельствует строительный реестр с подробным описанием ее размеров и необходимых для ремонта материалов (Finkel, Ostapchuk, Bilyayeva, Mathieu, 2006, р. 11).

В контексте рассматриваемого нами вопроса интересны воспоминания русских путешественников 19 в. Чрезвычайно ценные для нас сведения оставил в своих путевых записках, сделанных во время путешествия по Бессарабии весной 1839 г., журналист и критик *Н.И. Надеждин*. Среди прочих впечатлений и рассуждений, автор приводит оригинальный сюжет, связанный с остатками крепостных построек, который целесообразно привести в оригинале. *«Вот пристань под сенью грозных бойниц Аккермана!.. грозная Аккерманская твердыня. Мы находились в таком расстоянии от ней, что глаз охватывал всю ее длину. Впрочем, это не лучшая сторона крепости в живописном отношении. Вы видите только длинную, высокую, почти глухую стену, изредка перехватываемую башнями...»*

При самом выходе на верх берега нас поразило огромное круглое возвышение земли, вроде кургана, совершенно удлиненное. Мы поспешили взобраться на него, чтобы лучше видеть во все стороны. Но каково же было наше удивление! Поверхность этого кургана зияла множеством более или менее широких отверстий. Я глянул в одно из них; под ногами у нас — большая зала со сводами. Гляжу в прочие: коридоры или другие части здания, очевидно, не простого, имевшего какое-то особенное назначение. Внутри кургана скрывались целые палаты. Схожу вниз и отыскиваю вход в этот лабиринт. ... Тут есть все: и ходы, и переходы, и завалившиеся двери, и обвалившиеся потолки, и ржавая плесень на обильных стенах, и могильная сырость... Я терялся в догадках, чтобы могли значить эти таинственные катакомбы. Оказалось, что это была некогда турецкая баня, в которой не жились высокомошные паши Аккермана и их сладострастные одалиски. Брошенное без употребления по изгнании турков, это святилище восточных утех развалилось, замеслось сугробами степной пыли, поросло дикою травой...» (Надеждин 1839, с. 313—344).

Краткое упоминание бани содержится и в записях писателя и этнографа *А.С. Афанась-*

Рис. 1. Вид внутренней бани в Нижнем дворе Аккерманской крепости на рисунках начала 20 в.: 1 — рисунок Г. Симотты; 2 — рисунок А. Волкенберга

ева-Чужбинского, сделанных во время его поездки по Поднепровью в середине 19 в. Автор отметил, что «Недалеко над лиманом, где устроено нечто вроде бульвара, сохранились развалины старинной турецкой бани, в которые можно еще входить и видеть довольно грубые фрески на стенах и по обрушенным сводам» (Афанасьев-Чужбинский 1891, с. 406—419).

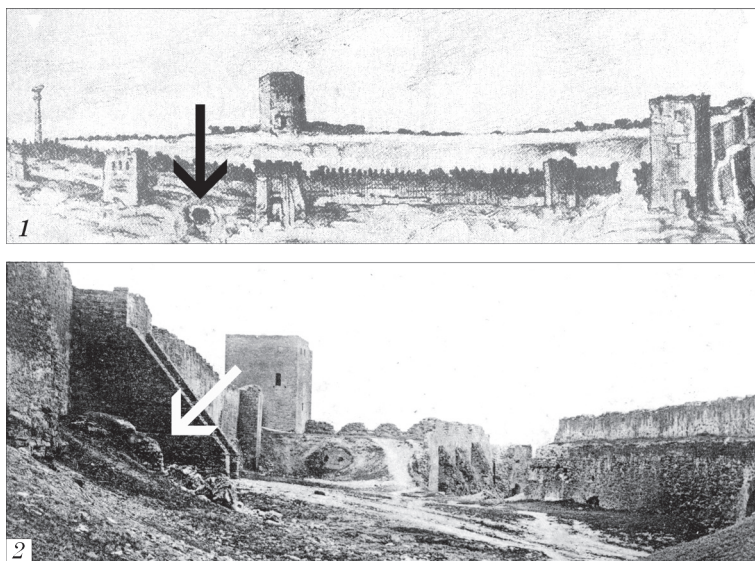
Приведенные выше отрывки из произведений очевидцев говорят о двух турецких банях в прибрежной части города. Для начала нужно понять, **о каких из двух бань** пишет каждый из авторов.

Относительно четко их локализовал Э. Челеби (единственный, кстати, кто сообщил о существовании двух бань). Одна из них, по его словам, находилась на территории Нижнего двора крепости, вторая (грязная и бедная) — за пределами фортификационных сооружений. Эта информация подтверждается и источниками иного характера.

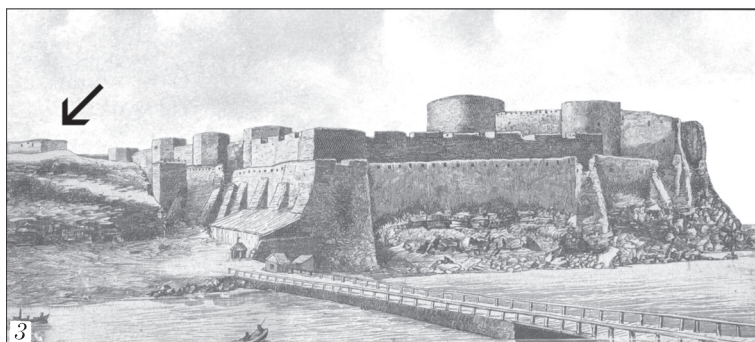
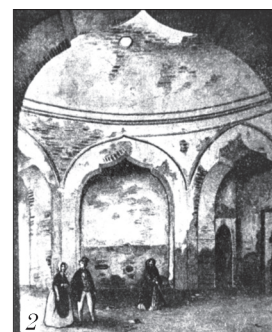
Думается, что в записках *Н.И. Надеждина* фигурирует описание бани Нижнего двора крепости. Во-первых, она находилась «при самом выходе на верх берега». Если сравнивать на планах крепости удаленность обеих построек от береговой линии, то именно внутренняя баня была почти вдвое ближе к ней. Во-вторых, она представляла собой «огромное круглое возвышение земли, вроде кургана», которое скорее могло образоваться в заброшенной и полуразрушенной части Нижнего двора, под стеной крепости, чем в застроенной части города близ действующего городского порта. И, в-третьих, именно такой, заваленной землей по самый верх купола, представилась нам эта постройка перед началом раскопок в 1998 г. Так она выглядит, кстати, и на рисунках Г. Симотты и А. Волкенберга начала 20 в. (рис. 1, 1—2).

А.С. Афанасьев-Чужбинский, побывавший в Белгороде приблизительно через 20 лет после *Н.И. На-*

Рис. 2. Вид внешней бани, за пределами Аккерманской крепости: 1 — руины бани на рисунке К. Бассоли 1838 г.; 2 — внутренний вид бани в Аккермане в 1853 г., рисунок неизвестного автора (по Уваров 1851, табл. 33); 3 — вид крепости с северо-восточной стороны на рисунке Чернявского

деждина, тоже вспоминает только одну баню. По его словам, она стояла над лиманом, «где устроено нечто вроде бульвара». Логично думать, что речь идет о другой бане, находившейся за пределами крепости. Уверенности в этом придает серия сохранившихся рисунков, относящихся приблизительно ко времени этих записей и несколько позже. Так Карло Бассоли 1838 г. (Репников 1912; Шлапак 2001, рис. 11) изобразил крепость на некотором удалении, с холма, на переднем плане которого стоит частично разрушенная и занесенная грунтом баня (рис. 2, 1). При этом хорошо видны сохранившийся еще купол с круглыми окнами и несколько входов. На рисунке неизвестного художника 1853 г. из альбома А.С. Уварова (Уваров 1851, табл. 33) запечатлены внутренние помещения

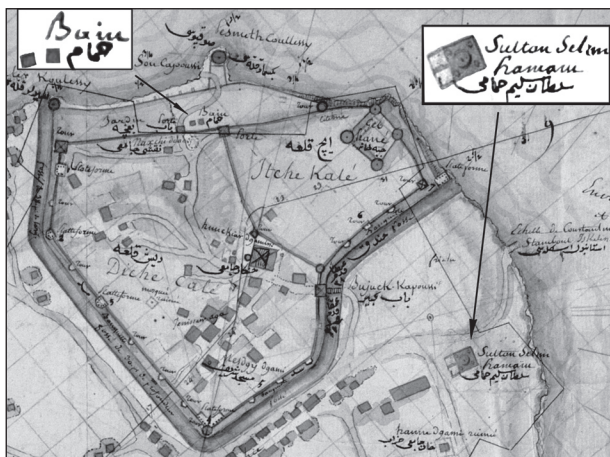

Рис. 3. Расположение обеих бань на Топографической карте современной ситуации Аккерманского замка 1793 г. (РГВИА Ф. 846, Оп. 16, Дело 21608, л. 1)

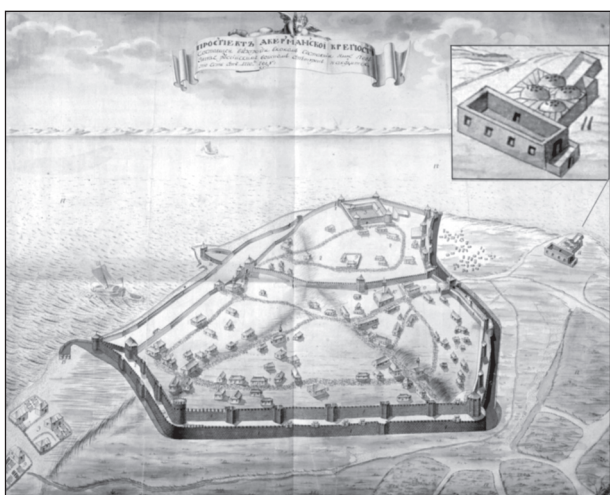

Рис. 4. Изображение внешней бани на Проспекте Аккерманской крепости 1770 г. (РГВИА Ф. 349, Оп. 3, Дело 244, л. 1)

бани с остатками декора (рис. 2, 2). При этом фигуры прогуливающих горожан внутри помещений помогают представить внушительные размеры этой бани. На рисунке Чернявского с гравюры Шлиппера, опубликованном в журнале Нива, № 3 за 1893 г., представлен вид крепости со стороны пристани (рис. 2, 3). Строение хамама еще сохраняет четкие очертания, но округлый купол уже едва заметен. На рисунках, к сожалению, не видно бульвара, о котором писал А.С. Афанасьев-Чужбинский. В то же время на проспектах и планах Аккермана и крепости 1770 и 1793 гг. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, Дело 21608, л. 1; ф. 349, оп. 3, Дело 244, л. 1) хорошо видна дорога

в город, которая проходила от пристани мимо описанной бани (рис. 3—4). Возможно, именно ее автор воспринял как нечто вроде бульвара.

Учитывая изложенное выше, можно предположить, что к середине 19 в. в Аккермане видными сохранились развалины только одной турецкой бани, стоявшей за пределами крепости. Руины второй бани были почти полностью занесены грунтом.

Следующим шагом является решение вопроса — **к какому времени относится постройка** каждой из упомянутых Э. Челеби бань. Для корректировки и уточнения остающихся и сегодня неясных или спорных моментов в истории крепости и отдельных ее построек различных периодов весьма продуктивным является сопоставление информации письменных и картографических источников.

Итак, Э. Челеби «уточняет» период постройки только одной из двух бань — внешней — временем «султана Баезида Вели», т. е. концом 15 — началом 16 в. Почему автор не обозначил время сооружения внутренней бани? Наиболее простым кажется объяснение, по которому он относил обе бани к одному строительному периоду. К такому заключению склоняет тот факт, что Э. Челеби называет внутреннюю баню в одном ряду с главными крепостными постройками, в том числе мечетью начала османского владычества, связанного с именем Баезида II.

Подтверждением такого предположения может послужить и упоминавшийся выше перечень вакфа 1565—1570 гг. (ВОА, ТТ 542, р. 40), в котором говорится, что обе эти бани были занесены в вакф султана Селима I. А это значит, что ко времени его правления (1512—1520 гг.) обе бани не только были построены, но уже и функционировали.

Кроме того, на полу раскопанной нами бани (рис. 5), расположенной в Нижнем дво-

Рис. 5. Остатки хамама Нижнего двора Аккерманской крепости. Раскопки 1999—2004 гг.

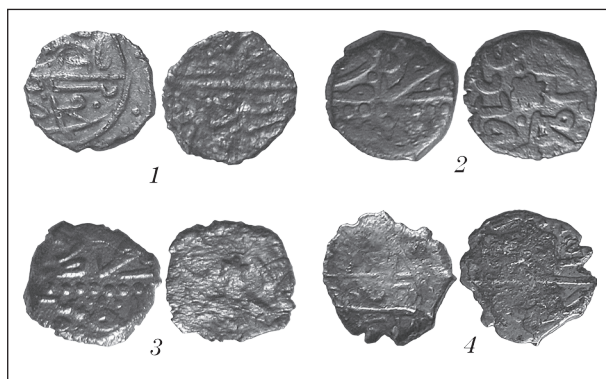

Рис. 6. Бронзовые монеты султана Баезида II (1—3) и серебряная монета султана Селима I (4) из бани Нижнего двора Аккерманской крепости

ре крепости, были обнаружены три бронзовые монеты (рис. 6, 1—3), по определению доктора Ш. Чакмак и Л. Дергачевой, Баезида II (1481—1512 гг.) (Біляева, Ерсой, Болтрик 2003, с. 55; Beljaeva, Dergaciova 2009, р. 21—22). Напомним, что Аккерманская крепость была захвачена Баезидом Вели в 1484 г. В таком случае, время сооружения внутренней бани можно достаточно уверенно определить в пределах 1484—1512 гг. и, таким образом, связать с именем султана Баезида II.

В Эдикте султана Мурада 1576 г. (ВОА, MD 28, no. 273), касающемся облегчения доступа к омовению перед ранним утренним намазом, как будто говорится о хамаме покойного султана Селима. Поскольку в документе фигурируют ворота, ведущие в *hisar bece*, т. е. Нижний двор, где стояла баня, то речь здесь идет о внутренней бане. Почему документ связывает эту баню с именем Селима? На этот вопрос может быть два ответа. Во-первых, вполне возможно, что после введения в вакф султана Селима I, ее стали называть хамамом султана Селима. Во-вторых, раскопки показали, что помещения бани перестраивались. Об этом свидетельствуют плиты пола, которые перестилались, по меньшей мере, дважды и следы ремонта на внутренних стенах бани. Вполне возможно, что эти работы проводились при Селиме. Подтверждением такого предположения может служить серебряная монета Селима I (рис. 6, 4), найденная нами при раскопках хамама. Думается, что речь в рассматриваемом эдикте идет о предшественнике Мурада — Селиме II (поэтому и говорится о покойном султানে).

Интересную и важную информацию дает нам серия планов Аккерманской крепости и города Аккермана, хранящихся в Российском Государственном Военно-Историческом Архиве (г. Москва). На нескольких планах показаны обе бани. При этом на русском (Ф. 846, Оп. 16, Дело 21609, л. 1) и турецком Планах крепости (Ф. 846, Оп. 16, Дело 21608, л. 1) 1793 г. внешняя баня значится как «Sultan Selim hamam» (в первом случае с переводом «Султана Селима

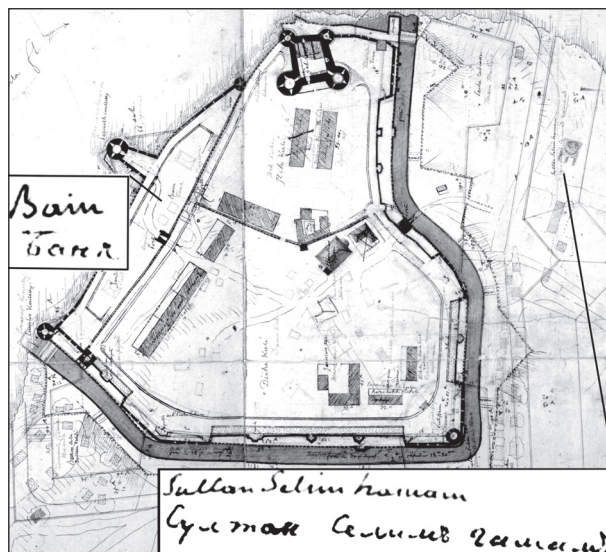

Рис. 7. План Аккерманской крепости 1793 г. с обозначением хамама «султана Селима» (РГВИА Ф. 846, Оп. 16, Дело 21609, л. 1)

гаммам») (рис. 7). О каком султানে идет речь — Селиме I (1512—1520 гг.) или Селиме II (1566—1574 гг.), остается пока неизвестным.

Возвращаясь к информации Э. Челеби, отметим, что его датировка внешней бани отличается от приведенной в архивных документах. Не исключено, что ко времени путешествия Э. Челеби (1657 г.), фактически через 150—100 лет после строительства этих бань, конкретное время их возведения местные жители Аккермана (информаторы автора) уже не знали. Анализ и сопоставление изображений внешней бани на планах крепости и архитектурно-археологических остатков внутренней бани, на основе которых была сделана реконструкция последней, позволяют говорить о типологической близости этих двух сооружений. При этом внешняя была большей по размерам, чем маленькая придворная баня в Нижнем дворе. Аналогичные постройки известны на территории Турции. Возможно, поэтому Э. Челеби мог отнести обе аккерманские бани к одному времени.

Таким образом, в Аккермане османского периода было две действующих общественных бани, построенных в сравнительно узкий хронологический отрезок. О точной дате постройки обеих бань говорить не приходится. На данном этапе мы можем говорить лишь об их относительной хронологии. Более ранней, по логике вещей, должна была быть внутренняя баня, построенная в Нижнем дворе для обслуживания гарнизона крепости времени Баезида II. Баня, стоящая за пределами крепости, видимо, относительно моложе.

На сегодняшний день более точных заключений дать невозможно. Уточнение сведений можно ожидать только в случае обнаружения новых архивных документов и археологического исследования архитектурных остатков внешней бани.

Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Очерки Днестра // Собрание сочинений. — Т. 8. — СПб., 1891. — С. 406—419.

Біляева С.О., Ерсой Б., Болтрик Ю.В. Дослідження міжнародної Південної Середньовічної експедиції у 2001—2002 рр. // АБУ 2001—2002 рр. — К., 2003. — С. 55.

Надеждин Н.И. Прогулка по Бессарабии // Одесский альманах на 1840 г. — Одесса, 1839. — С. 313—344.

Репников Н.И. Несколько слов о развалинах Аккерманской крепости // Записки разряда военной археологии и археографии Императорского русского военно-исторического общества. — Т. 2. — 1912.

Уваров А.С. Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря. — СПб., 1851.

Челеби Э. Книга путешествия. — Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. — 1961.

Шлапак М. Белгород-Днестровская крепость. Исследование средневекового оборонного зодчества. — ARC, 2001.

Beljaeva S., Dergaciova L. Descoperiri monetare provenite din săpăturile arheologice de la Oçakov și Cetatea Albă — Belgorod-Dnestrovski (1990-2005) // Al X-lea simpozion de Numismatică. — Chișinău, 2009. — P. 21—22.

Finkel C., Ostapchuk V., Bilyayeva S., Mathieu J. Historical-archaeological investigations in Aqkerman fortress, Ukraine, 2006 // Anatolian Archaeology. British Institute at Ankara. Research reports 2006. — Vol. 12 (2006). — P. 9—12.

Finkel C., Bilyayeva S., Ostapchuk V. Historical-archaeological investigations in Aqkerman fortress, Ukraine, 2008 // Anatolian Archaeology. British Institute at Ankara. Research reports 2008. — Vol. 14 (2008). — P. 8—10.

Ostapchuk V. and Bilyayeva S. The Ottoman Northern Black Sea Frontier at Akkerman Fortress: The View from a Historical and Archaeological Project // The Frontiers of the Ottoman World. Proceedings of the British Academy. 156, British Academy 2009. — P. 137—170.

С. О. Біляева, О. Є. Фіалко

ДВА ХАМАМИ АККЕРМАНА (досвід кореляції археологічних та писемних джерел)

В ході археологічних досліджень Міжнародної Південної Середньовічної експедиції Інституту археології НАН України в Нижньому дворі Аккерманської фортеці були розкриті та досліджені руїни османської лазні (хамаму). В мусульманській куль-

турі лазня є важливим об'єктом не лише прямого санітарно-гігієнічного призначення, але й культурного характеру як джерело для обмивання перед молитвою. Нотатки відомого турецького мандрівника та дипломата Е. Челебі та османські архівні документи містять відомості про дві лазні Аккермана — одну на території фортеці, іншу у безпосередній близькості до неї. Цікавими також є спогади російських мандрівників 19 ст. М.І. Надеждіна та О.С. Афанасьєва-Чужбинського, що містять опис решток цих лазень. Локалізацію лазень зафіксовано на російських та турецьких планах Аккермана 18—19 ст., а також на численних графічних замальовках та фотографіях 19 — початку 20 ст. Кореляція даних різних за характером джерел дозволяє зробити висновки про те, що в Аккермані османського періоду існувало дві діючі лазні, збудовані протягом відносно вузького хронологічного відрізка. Поки що ми можемо говорити лише про відносне їх датування. Більш ранньою, вірогідно, була внутрішня лазня, збудована у Нижньому дворі для обслуговування гарнізону фортеці за часи Баєзіда II. Лазня, що була розташована за межами фортеці, відносно молодша.

S. A. Bilyayeva, E. E. Fialko

TWO AKKERMAN'S HAMAMS (experience of correlation of archaeological and written sources)

In the course of the archaeological investigations of the International South Medieval expedition of IA NASU in the Low yard of the Akkerman fortress the building remains of the Ottoman bath-house (hamam) were discovered and excavated. As it is known, in the Islamic culture, the bath-house was not the only the important object of sanitary and hygiene, but of cultural and religion significance also, for washing before prior. In the Ottoman archives documents and in the work of E. Cheleby there is information about two bath-houses. One of them was located inside of fortress and the other one close to the fortress. The descriptions of the buildings structures, resembled of bath-houses are in the very interesting memories of Russian travelers of the 19th century N.I. Nadezhdin and A.S. Afanas'ev-Chuzhbinsky. Besides of it, location of bath-houses was fixed on the Turkish and Russian plans and maps of Akkerman of the 18—19th cent., and also on the numerous sketches and photos of 19—20th cent. The correlation of the different records, allow speaking about two public bath-houses in Akkerman, which were build in the close chronological period. Now, we can define only relative dates of these bath-houses, but these one, which was in the Low yard can be younger one.